

БУДЬТЕ КАК ДЕТИ

ТЕОФАНИЯ
ДЕТСТВА

священник

ВЛАДИМИР
ЗЕЛИНСКИЙ

Владимир Зелинский

Будьте как дети. Теофания детства

«Никея»

2019

УДК 24.242
ББК 86.372-4

Зелинский В.

Будьте как дети. Теофания детства / В. Зелинский — «Никея»,
2019

ISBN 978-5-91761-978-1

Эта уникальная книга священника Владимира Зелинского посвящена всего нескольким словам Иисуса. Если не будете как дети... Эти простые и всем известные слова содержат в себе неисчерпаемый смысл, в котором мы обретаем самих себя. Дитя, живущее внутри каждого, всегда открыто тому, что Бог хочет сказать людям. Ибо только ребенок, сотворенный любовью Божией, хранит тайну нашего подлинного «я».

УДК 24.242
ББК 86.372-4

ISBN 978-5-91761-978-1

© Зелинский В., 2019
© Никея, 2019

Содержание

Предисловие	6
Евангелие для народа-ребенка	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Священник Владимир Зелинский

Будьте как дети. Теофания детства

*Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р19-901-0007*

Предисловие

На пороге озарения безбрежным: откровение детства

Ольга Шильчева-Джарман, врач-педиатр и поэт

Эта книга отца Владимира – неожиданна и вместе с тем долгождана. Так сложилось в истории, что письменное слово Европы было издавна словом мужчин. В том числе и слово о ребенке – вспомним врачей Гиппократ и Сорана Эфесского, а также «Мелантия-врача, любившего детей», – от которого ничего и не осталось, кроме трогательных надгробных стихов... Но как может мужчина, которому не дано вынашивать чадо под сердцем и кормить его грудью, воистину проникнуть в тайну дитяти? Взгляд мужской, лишенный этого опыта сопричастности вынашиваемому ребенку, неизбежно скользит по поверхности... Тайна ребенка, особенно ребенка столь малого, что он еще буквально «бессловесен», оставалась в какой-то степени «тайной жен», и, как всякое «женственное», невербализованным и невысказанным. Мужская культура, отстраняясь от этого бессловесия, вырабатывала свои жесткие нормы, позволяя ребенку говорить только тогда, когда он обретет слово и станет «маленьким взрослым», забывая все глубже и глубже свою тайну той поры, когда не разумом, а «изумлением выговаривались слова». Нет изумления, нет небывалого, нет ничего преславного – «парадокса», если вспомнить, как звучит это слово на греческом Септуагинты и евангелистов. Есть Закон – и есть те, кто его знает. А вне – дети, простецы, больные, немые, глухие, – и женщины, – да, и они, матери младенцев, знающие скорбь и радость «рождения человека в мир». Сурово слово мужей, и не знающий Закона – не знает Бога.

О чем же говорит этот странный Сын Мариин? Не лубочный, не учащий «ласковому доброжелательству взрослого к детенышам», а Настоящий, «Иже в вертепе родивыйся и в яслях возлегий нашего ради спасения Христос, Истинный Бог наш»¹.

О чем говорит Он с горы и на «месте равне»? О Царстве и детстве? Уж не о конце Закона ли? О том Царстве, что «подобно забытому детству», из которого мы вышли и в которое еще не вошли.

Парадокс и преславность дел Христовых и в том, что Он обратил сердца мужей великих *к малым сим*, и человек, принявший залог сей в священстве Христовом, прозревает и видит тайну Христа в дитяти и детстве – неподзаконном, хоть и ограниченном множеством невозможностей. Дитяти, которого почитают несмысленным, – но се, оно мудро, ибо ему, младенцу, открыта тайна по благоволению Отчему.

Отец Владимир с трепетным вниманием относится ко всякому слову, несущему ответ тайны детства, – будь то Платон или Агада. У Ефрема Сирина и Оливье Клемана находит он слова о чадах Духа Святого – не святых, но простых младенцах, умерших на руках своих матерей, безмерно любивших их – по образу духа Христа Воскресшего, безмерно любящего создание Свое, малое и беззащитное.

Отсюда – и слова отца Владимира о «народе-ребенке», о Церкви-тайне, сияющей в малых сих, и о Царстве, являемом в Церкви: «Оно спешит к нам во Христе, живущем сегодня и грядущем завтра, но ошеломляющее соседство с Ним уже сейчас проступает яснее всего в том, что всегда, изначально, бытийно Христово».

Неожиданность и долгожданность этой книги не только в том, что, открыв ее, читатель не найдет умильных вздохов – порой он обретет совершенно противоположное этому: резкое слово об «осознанной наивности». Не потому умиляется он, как некий римский патриций,

¹ Отпуст на Рождественской Литургии.

pater familias (отец семейства), привыкший чтить Юпитера и императора, что маленькая его внучка тоненьким голоском поет ему христианские гимны. Это мило, да, но это все пройдет, и внучка перед браком пойдет в храм Приапа, а гимны останутся в прошлом, но пока – пока пусть поет, неразумное дитя, тешит главу семейства своей невинностью и незнанием жизни... И если имя отца семейства – Тертуллиан или Августин, это мало что меняет – как привычно во взрослом мире ждать чуда «вопреки жесткой доктрине».

Нет, по убеждению отца Владимира, ребенок – не вопреки, а для того, чтобы явились дела Божии. Ребенок – это письмо Христово в будущее, и если он, покинув детство, не забудет его священных знаков, он станет святым, – он станет исполнением замысла Христа Творящего. Приимите залог сей, отец и мать, приимите сей залог – залог надежды и святости и явления в мире Великого Христа, Превечного Младенца и Превечного Сына. Он, Сын Мариин и Сын Божий, Младенец-Логос, по Максиму, великому богослову и великому исповеднику, прими-ряет не только небо и землю, не только рай и вселенную, но и самое жестокое противоречие нашего мира – мужское и женское естество в их противостоянии и непонимании.

Неожиданно – и долгожданно – в этой книге то, что она (и я ловлю себя на том, что говорю о книге отца Владимира, как о живом существе) – написана и не как сухой трактат «на тему», и вовсе не «вареньем и умилением». Это – книга-песня, как песня маленькой внучки патриция, как песни тех детей, о которых говорит внимательный и чуткий к малым сим Лука-врач и евангелист, передавая слова Христовы.

Господь даровал мужам понять и высказать на языке мужской культуры бессловесную тайну дитяти и матери. Он дал силу мужам обратиться и быть как дети, и не стыдиться детства, а – пристально вглядываться в него и через малость маленького человека открывать взрослому тайну Божию. Как Своим маленьким друзьям, с которыми играл Он в Египте и Назарете. И в этом – великий вздох облегчения – быть Его чадом.

«Вернуться – значит „умалиться“, но и – „принять дитя“. Что стоит за глаголом *принять*? Иисус говорил не на нашем многозначном европейском языке и не на каком-то символиче-ском, эзотерическом и сверхсакральном. В Его речи была библейская плотность, телесность, конкретность, ибо *Слово плоть бысть* в том числе и в клетках, мускулах и дыхании арамей-ских слов. Не следует ли „принять дитя“ как святую плоть, едва вышедшую из Его рук, как Божию „доброту“ творения?» – вопрошает отец Владимир.

И поэтому детство есть иносказание матери и тайна ее, и иносказание Церкви, и Ее тайна.

И об этом слово отца Владимира, но и о многом другом.

...Надгробные надписи на могилах христиан ранней Церкви гласили: «Здесь покоится чадо Христово, Флавилла. Лет же ей было восемьдесят пять». Она тоже была девочкой, эта римская старушка, и глаза ее «светились дружбой». Такой она и пришла к Иисусу почти две тысячи лет назад...

Да! Отпускай на свободу измученных,
Отрок, чье имя прекраснее всех.
В горы взойди неприступными кручами, в старости
Сарре дарующий смех.

Крылья голубки распахнуты в стороны —
лето Господне, и колос, и песнь!
Да! Сквозь пустыню, дорогой неторною —
слышатся зовы, и голос, и весть.

Дождь – на руно, и завет Его – радугой,
петь Его, слышать и видеть весь день!

Да! Он ведет, Он берет тебя за руку —
пальцы влагая в следы от гвоздей.

Сам Он – чудесней видений и знамений,
в старости Сарре дарующий смех,
явленный Боже и Боже являемый,
Отрок, чье Имя прекраснее всех.

Исток этой работы – несколько слов Иисуса о детях. Они просты и всем известны, но обладают такой мощью, плотностью и неисчерпаемостью смысла, что остаются для нас загадкой. Не притязая на то, чтобы разгадать ее до конца, автор предлагает здесь ряд коротких размышлений, надеясь, что они смогут послужить «тусклым стеклом»² для тайны, которая светит в словах о «малых сих»³.

² См. 1 Кор. 13: 12.

³ См. Мф. 10: 42,18: 6, 18: 10,18: 14; Мк. 9: 42; Лк. 17: 2.

Евангелие для народа-ребенка

Почему так важны для нас слова Христа о детях

Новый Завет, да и все Священное Писание целиком, обладает той особенностью, что с любой страницы, а то и строки, может распахнуться удивительная в глубины панорама целого, зовущая войти и остаться. Всякая притча, история или беседа незаметно подводит нас к краю, за которым, как говорит Апостол, – *бездна богатства и премудрости* (Рим. 11: 33). Но «бездна» Слова Божия открывается человеческому взгляду по-разному в зависимости от того, с какой стороны – церковного предания, культурного наследия или опыта – пытаться в нее заглянуть. Когда мы приближаемся к ней из страны Востока (здесь, увы, не обойтись без географических схем), то уже на первых подступах нас встречает та премудрость, которая устами сонма учителей и бесчисленных молитв, домашних и литургических, говорит нам, что нет для христианина более важного дела, чем победа над злым, падшим миром в себе, то есть утрудненное покаяние и противоборство с лукавым. Ибо *сей род изгоняется только молитвою и постом* (Мф. 17: 21). И коль скоро мы всерьез, всей волей и крепостью в это противоборство вовлечены, нам уж для прочих, благих и разных дел на земле ни сил, ни времени, ни особого интереса как-то не остается.

Лишь на Востоке (в духовном, понятно, смысле) голос с небес говорит монаху: «Арсений! бегай от людей, – и спасешься»⁴, и Арсений⁵, возжелав спасения, бежит (а за ним – тысячи безвестных учеников его со слухом, обращенным к тому же голосу), если не в раскаленную, если не в ледяную пустыню, то в тихую обитель, во внутреннюю клеть, дабы отдать себя подвижничеству, неустанной «невидимой брани» и стяжанию Духа. На духовном же Западе, хоть он, конечно, о невидимом по-своему тоже печется, юношу, движимого Духом и апостольской ревностью, сердечный голос посылает на иную брань: *идите, научите все народы* (Мф. 28: 19). «Держай, брат, – шепчет ему Ангел, – трудись, делом яви любовь к заблудшим, чтобы весть Христова дошла и до них, не ты будешь им говорить, но Дух Святой». «Нет обращения без миссии, а миссии без обращения», – говорил недавний (2005–2017 гг.) архиепископ Парижский Андре Вен-Труа.

Обращение – не только радость, но и приказ, оно может послать тебя и к таким народам, которые еще века два-три назад запросто могли содрать кожу со снедаемого ревностью просветителя или накормить им свое племя, или просто туда, где климат кровожаднее всякого людоеда. Но не кому иному, а тебе именно сказано: *Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас* (Ин. 20: 21). Ныне Отец посылает тебя, иди, проповедуй, не жалея башмаков, не считай ни часов, ни усилий... Не пойдешь – «языки» останутся без Слова Жизни и будешь первый же истязуем скребущей совестью, неисполненным долгом, что равен измене, да еще и снисходительной улыбкой братьев. Не под силу тебе просвещать дальних, орден – коему без остатка принадлежит и твое обращение – пошлет тебя к ближним, тем, которые под боком. Здесь устраивай для них классы катехизации, спортивные площадки, детские лагеря, дабы и спорт и отдых соприкасались с домом Божиим, проповедуй на улицах, на дискотеках, вырывай древнейшую профессию из челюстей порока (сам оставаясь неуязвимым для лукавых стрел) –

⁴ Алфавитный патерик, или Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. – М.: Сретенский монастырь, 2009.

⁵ *Арсений Великий* (354–449) – монах и учитель монашества, подвизавшийся в Вадн-Натруне, впадине на северо-востоке Ливийской пустыни. Сведения о нем и его поучения, записанные учениками, дошли до нас в составе сборника *Aprophetismata Patrum* («Изречения отцов»), который на русском языке вышел с подзаголовком «Древний патерик».

словом, всем служением возвещай ту весть, которую тебе дал Иисус, предписал устав и доверила Святая Мать, Вселенская Церковь.

Стоит ли напоминать, что и в западном мире были (и остаются) свои подвижники и отшельники (рассуждение о «невидимой брани» написано венецианцем⁶), и на Востоке бывали и есть свои Стефаны Пермские и Николай Японские⁷, святые просветители дальних языков, не ведавшие ни страха, ни усталости? Однако в целом и там и здесь сложилась традиция слышать внутренним слухом и откликаться каким-то близким вещам, пропуская другие как не самые важные, не до конца спасительные. Ибо одним всего важнее было бежать прочь от мира, пробираться туда, где укрылся *сокровенный сердца человек* (1 Пет. 3: 4), а иным – взяв посох и Книгу, обзаведясь китайской грамотой, косичку отращивая и латинский breviary⁸ исправно дорогой вычитывая, *не убоившись... как бы видя Невидимого* (Евр. 11: 27), идти из Рима в Китай. Промыслительно встретившись на путях своих и случайно поговорив, они, аскет с Востока и апостол с Запада, наверное, даже не поняли бы друг друга. «Как идти на край света, коли не завершена еще борьба со страстями в душе?» – «Как оставаться, когда несметное количество душ, не слышавших слова Христова, обречено вечной гибели?»

Разделение, нельзя не признать, пролегает не только по странам и конфессиям, даже не по призваниям и опытам, но достигает неуловимых движений сердца. Словно следуя за единым Словом, оно может быть ведомым либо Востоком, либо Западом. Но разве нет у него иных путей, ведущих к той же «бездне премудрости»?

Здесь я рискну выбрать не столь исхоженный, не совсем привычный маршрут, совмещая по возможности оба пути – внутрь себя и вовне – к народу, ближе которого нет и дальше которого нет, к тому племени, к которому мы принадлежали когда-то и изначально им еще остаемся, а в перспективе сотериологической⁹ призваны стать. Речь не идет о популярном катехизисе для младшего возраста, который, надев очки и улыбку, мы раскрываем на подглавке с цветными картинками «Христос и дети», написанной как бы *не чернилами и тростью* (3 Ин. 1: 13), а вареньем и умилением; лубочные там детишки, не тот Христос.

Иисус учил чему-то куда более существенному, чем ласковое доброжелательство взрослого к детенышам лишь за то, что они увлажнили нам очи. Во всяком Его слове или жесте, помимо прямого, явного, сокрыт еще и неразгаданный смысл, и если начать его разгадывать – *и самому миру не вместить написанных книг* (Ин. 21:25). Есть книга о безумии Креста, есть книга о подвижничестве и отсечении воли, есть другая, миссионерская, волевая, в которой все глаголы стоят в повелительном наклонении, есть книжица чудесных встреч и вразумляющих чудес, есть даже отдельная поэма о лилиях, одевающихся краше Соломона, но среди множества томов затерялась где-то и тоненькая тетрадка, на обложке которой неустоявшимся почерком

⁶ В 1589 году в Венеции итальянский священник и проповедник Лоренцо Скуполи опубликовал трактат «Il combattimento spirituale» («Духовная брань»). В 1796 году его перевел на греческий преподобный Никодим Святогорец и издал под заголовком «О невидимой брани», дополнив книгу примечаниями и выписками из святых отцов. В 1888 году святитель Феофан Затворник перевел книгу с греческого на русский.

⁷ *Стефан Пермский* (1340-е – 1396) – просветитель народности коми, создатель первого их алфавита на основе кириллицы, греческого алфавита и древнепермских рунических символов, переводчик на язык коми Священного Писания и богослужебных книг; первый епископ Пермский. *Николай Японский* (1836–1912) – основатель Православной Церкви в Японии, архиепископ Японский. Переводчик на японский Нового Завета, Псалтири и богослужебных книг. Оставил после себя интересные дневники.

⁸ Бreviary – в Католической церкви богослужебная книга, содержащая чинопоследования литургических часов.

⁹ Сотериология (от *sothēria* «спасение» и *hoia* «учение, слово») – раздел богословия, посвященный спасению: действиям Бога и человека, направленным на него.

написано: «Младенчество». В сущности, каждый из этих текстов есть Откровение, переведенное на доступные нам языки, на которых Бог говорит с нами. Многому из того, что сказано там, по словам Иисуса, еще предстоит до конца раскрыться в Царстве Его.

Все помнят Его слова: *В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает* (Мф. 18: 1–4).

Царство Небесное – основная весть Спасителя, цель, исток, распахнутая тайна Его проповеди. Возвешение Царства в Его устах звучало как мессианское обетование о владычестве Божиим не только в конкретной истории здесь и теперь, но и в обновленном, еще не узнанном времени, которое стоит близко и таится где-то рядом, стучится в наши двери, подзывает, ждет на пороге.

Оно спешит к нам во Христе, живущем сегодня и грядущем завтра, но ошеломляющее соседство с Ним уже сейчас проступает яснее всего в том, что всегда, изначально Христово. Царство, как и детство, которое обращено к Нему, – уже *близ есть, при дверях* (Мф. 24: 33). Мы когда-то вышли из него или еще не вошли, не получили вида на жительство в нем, потому что слишком нагружены скопившимся в нас временем взрослым, тяжелым, дебелим, – в сущности, где-то нам изначально чуждым. Царство Небесное подобно забытому детству, оно – всегда на дальней обочине, оно меньше зерна горчичного, оно *внутри вас есть* (Лк. 17: 21), но семена его – всего различимее в тех, кто способен умалиться до такого зерна. Оно – как в сегодняшних детях, окружающих нас, так и в тех, которыми мы некогда были. Потому что детское есть и царственное, умалившееся – Христово, и в эту тайну, открытую Им и в Нем сокрытую, Иисус призывает нас вернуться.

Вернуться – значит «умалиться», но и – «принять дитя». Что стоит за глаголом *принять*? Иисус говорил не на нашем отвлеченном европейском языке и не на каком-то символическом, эзотерическом и сверхсакральном. В Его речи была библейская плотность, телесность, конкретность, ибо *Слово плоть бысть* (Ин. 1:14) в том числе и в клетках, мускулах и дыхании арамейских слов. Не следует ли «принять дитя» как святую плоть, едва вышедшую из Его рук, как Божию «доброту» творения, которая обращена к нам, на своем языке говорит нам о том, что *хорошо весьма* (Быт. 1: 31)? «Дитя» следует приютить в своем доме, в сердце, во взрослом нашем «я». «Принять дитя» – значит стать пристанищем Слова, пришедшего анонимно в ребенке и нуждающегося в матери. Матерью, как и Телом Слова, мистически становится Церковь.

В Церкви мы обретаем Христа в молитве и Евхаристии, как и в тайне собственной личности, корень которой – в ее незримом начале. Жизнь в Церкви – это долгий путь к себе. «Отвернись от своей тени, возвратись в самого себя, – говорит Блаженный Августин, – для тебя нет другой гибели, кроме забвения того, что ты погибнуть не можешь»¹⁰. «Стань тем, кто ты есть»¹¹, – вторит отцам митрополит Каллист (Уэр). А кто я есть, допрашиваем мы себя? Кто есть каждый из нас по своей сотворенной сути? Не в том ли суть восточного пути, чтобы увидеть свое истинное, не искаженное миром «я», узнать его в Боге, а затем очистить от «я»

¹⁰ *Блаженный Августин. Монологи / Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 1: Об истинной религии.* – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. С. 369–370.

¹¹ *Каллист (Уэр), епископ Диоклийский. Сила Имени. Молитва Иисусова в православной духовности // Церковь и время, № 8 (1999). С. 189.*

чужого, снедаемого заботой, того, в котором сегодня живем, принимая его за единственное наше жилище?

Чтобы говорить об исконном нашем «я», нужно осознать, что оно было когда-то создано, вошло в мир Словом, через Которое все начало быть. Бог сказал о нас: *сотворим* (Быт. 1: 26), и каждому из нас сказал: «будь». Он даровал нам лишь Ему ведомое, *вечное имя, которое*, – как сказано у пророка Исайи, – *не истребится* (Ис. 56: 5). «Ты создал нас для себя, – говорит Блаженный Августин в начале „Исповеди“, – и душа наша дотоле томится и не находит себе покоя, доколе не успокоится в Тебе»¹². Да, сердце то и дело подымает мятеж внутри самого себя, потому что опьянено собой, но с собой сегодняшним ему тесно, как в клетке, и хочется на Божий простор. А сердцу ребенка, пока он еще мал, просторно там, где его существо было от начала – в Его руках (*Руки Твои сотворили меня и устроили меня...* – Пс. 118: 73), в полноте Его дарового, неистраченного, царственного присутствия. Слова псалма, которые мы вспомнили, произносятся в каждом из «малых сих» еще до того, как он научается говорить.

Они выговариваются изумлением.

Господь творит нас и отпускает в мир, и мы входим вратами удивленного благодарения, еще не способного себя осознать. *Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу...* (Пс. 8: 3). Младенец хвалит не по-взрослому, удивляется не так, словно видит то, что не встречал раньше, но воспринимая бытие как целое, оставаясь в единстве с ним. Он изумляется тому, что воспринимает, впитывает органами чувств, но не пронизывает, не замораживает стихийное удивление рефлексией о нем. «Принять дитя» значит ответить его благодарению, откликнуться Слову, которое вызвало его к жизни. Удивиться чуду творящей воли Божией, дабы мы «из величия и красоты тварей собирали подобающее понятие о Сотворившем нас», – как говорит святитель Василий Великий¹³.

Изумление значит из ума исхождение, отстранение от сложившегося в «уме», от устоявшегося, отвердевшего в нас образа падшего привычного мира. Изумление – приношение себя в дар открывающемуся предмету, соучастие в «вещах Божиих». Когда душа в человеке только просыпается, она нащупывает в себе затаенное «ты» вещей и вступает с ними в беседу, как одно творение откликается другому. Сотворившее нас Слово Божие обнаруживает себя в общении.

Которое Ты сотворил и устроил¹⁴.

При творении Бог был узнаваем повсюду, во всех *делах рук Его*, о которых *вещает твердь* (Пс. 18: 2) и исповедует все, что живет на земле. Ребенок еще не вышел из того первоначального замысла Божия, в котором все твари собраны воедино в их обращенности к Творцу. «Быть как дети» значит стать тем, кто вы суть, тем, кем вы некогда были и до сих пор в каком-то доразумном, дословесном бытии, начале, корне, плане, проекте, зерне остаетесь. Будь тем, кто ты есть (и это «есть» относится не столько к настоящему, сколько к непреходящему времени), каким был до того, как грех с его законом вражды и мир с его обособленностью не заты-

¹² Блаженный Августин. Исповедь / Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 1: Об истинной религии. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. С. 469.

¹³ Василий Великий. Беседы на Шестоднев / Василий Великий. Творения: В 2 т. Т. 1: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. – М.: Сибирская благовонница, 2008. С. 245.

¹⁴ См. Пс. 138: 13–18.

нули тебя в сети, не вторглись в твое «я», не овладели им полностью, до того, как существо, созданное для Царства, не отдалось здешнему смертному времени.

Потому и говорит Господь: *если не обратитесь...* Жизнь во Христе есть, помимо прочего, возвращение к тому истоку, откуда все начало быть. Она есть причастие замыслу Божию о всякой человеческой жизни.

«Обратиться» – значит еще и обернуться, повернуть назад. Мы оборачиваемся на оклик. Однако настоящее обращение происходит тогда, когда мы «припоминаем» (при всей условности, даже и невозможности такого «воспоминания») себя в Царстве, когда мы находим его в нашей тварности, которая создана и наполнена (если она не подавлена и не опустошена нами) живущей в нас любовью Творца. Любовь вызвала нас к жизни до того, как мы обзавелись сегодняшним нашим гордым, громоздким «я», вытеснившим подлинное, которое «сквозит и тайно светит»¹⁵ через «дитя». Там, где Христос и назначил нам встречу.

О том же говорит Евангелие от Марка. *И, взяв дитя, поставил его посреди них и, обняв его, сказал им: кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня примет, тот не Меня принимает, но Пославшего Меня* (Мк. 9: 36–37).

Кто примет это дитя во имя Мое... Истолкования этих слов часто бывают скудны и невразумительны. «Возможно, слово „дети“ употреблено в переносном смысле»¹⁶, – отмечает В.Н. Кузнецова в комментарии к Евангелию от Марка. А возможно, нет, определенно, уверенно, оно стоит здесь и иначе стоять не может, кроме как в смысле прямом, простом, требовательном, буквальном. В поддержку призыву поэму Сергея Аверинцева о Благовещении, где он подчеркивает «честность» и «вечность» предметов, окружавших Марию («где камень воистину есть камень, в очаге огонь – воистину огонь, в бадье вода – воистину вода...»)¹⁷. Когда Иисус говорит о детях, Он не играет в раздвоение смыслов. Там, где Бог становится истинным человеком, мир вокруг Него обретает свою невиданную доселе правдивость. Дитя – отнюдь не символ чего-то иного, милого и неясного, но просто недавно явившееся на свет существо без кружева метафор вокруг.

Кто примет это дитя во имя Мое... Как в Евхаристии: хлеб сей воистину есть хлеб, но и всецело Тело Христово. Этот ребенок есть просто ребенок, рожденный, как и все мы, *от хотения плоти* (Ин. 1: 13), но всякий принимающий его принимает Сына Божия в благодарении.

«Ведь через Евхаристию мы обретаем Бога везде – и в грозных стихиях, и в крошечном цветке» (протоиерей Александр Шмеман)¹⁸. Ну а крошечный человек – это таинство реального присутствия для слабовидящих.

В его малости и свободе от привнесенных человеческих имен заключено особое имя Слова Божия, которое выговаривается как весть о творении. Все приходит в мир через Слово, через произнесенные, именованные Им сущности вещей. В начале всякого человека – Слово, повелевшее ему вочеловечиться.

¹⁵ Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855).

¹⁶ Кузнецова В.Н. Евангелие от Марка. Комментарий. – М.: Общедоступный православный университет, 2000. С. 166.

¹⁷ Аверинцев С. Стихи духовные. – Киев: Дух і літера, 2001.

¹⁸ Шмеман А., протоиерей. Церковь, мир, миссия: Мысли о православии на Западе. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1996. С. 266.

Принять дитя – значит услышать зароненное в него имя Господне, увидеть в существе ребенка первую из нерукотворных икон Сына Божия. В этом состоит духовное призвание всякой семьи, как малой, так и всеобщей, человеческой. «Принять дитя» не как драгоценную, симпатичную, хотя и беспокойную игрушку, но как благословенную возможность Царства, «приблизившегося» здесь и теперь к тебе и ко мне, в том ребенке, которого мы видим, как и в том, который по милости Божией, прячась, где-то все еще живет в нас. До его малости нужно нам умалиться, суметь ему внутренне уподобиться. В этом вхождении в Царство ребенка, когда родители уподобляются – в евангельском смысле – детям, должно быть, состоит наука христианского воспитания. Умаление приоткрывает дверь Духу Святому, Который «приходит» и «вселяется» там, где находит место. Дух может помочь нам найти в себе то «дитя», в кого Господь нас зовет обратиться. Но обращение достигается долгими тяжкими усилиями.

Он Сам сравнивает его с родами. *Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас...* (Ин. 16: 21–22).

В устах Иисуса «последние вещи» обетованного Царства соединяются с первыми – с рождением, и физическая «скорбь» рождающей женщины уподобляется телесной «печали», из которой возникает радость. Печаль здесь сродни усилию, мучительному труду нашего духа, которым «восхищается Царство»¹⁹. «Скорбь» рождения – и там, и здесь – увенчивается радостью благодарения. А если перевернуть аналогию, спуститься с высот вниз, к поту и боли родов, обрезанию пуповины, не есть ли само восхищение Царства из печали, усилия, скорби – образ явления в мир внутреннего человека-ребенка?

Обратиться в дитя – значит найти в себе печать или метафизическую память промысла о нем. *Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы,* – говорит Давид (Пс. 138: 15), словно шепчет восхищенно на ухо Богу и в сердце нам. «Запечатленность» взгляда Божия вдруг иногда – когда мы стряхиваем слепоту – проступает в глазах новорожденного. Она ищет ответного взгляда, настроенного благодарением. Благодарность – глубочайший корень веры, вера же есть обретение себя перед Богом. Она пробуждает потребность в очищении перед Ним.

Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите (1 Фес. 5:16–18) – в сущности, это и есть триединая формула Православия, сумевшего умалиться и «стать» детством во Христе.

138-й Псалом некоторыми Отцами толковался как повествование о Христе: зародыш, *созидаемый в тайне*, отсылает нас к таинству Воплощения. Иисус создается во всяком человеке, запечатлевает на нем Свой образ до рождения. Вера помогает узнать Его, но чаще Он остается неузнанным до самой кончины, Он *изображается* в нем²⁰, но также забрасывается грязью и распинается. Но при этом дарует ему Себя, окликает Собой – из младенчества.

Здесь приходит на память одно из иудейских поверий о том, что в утробе матери ребенок изучает Тору, познает в ней Бога и данный Им от века закон. А потом, когда рождается, Ангел, сойдя, стирает в нем эту память. И мы в новорожденных ощущаем изредка этот след

¹⁹ См. Мф. 11: 12.

²⁰ См. Гал. 4: 19.

первоначальной мудрости, не до конца еще стершийся, не вполне забытый, отложившийся где-то за пределами разума, на который может упасть какой-то мгновенный радостный свет.

Подобную догадку встречаем и у Платона: «И раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, – люди называют это познанием, – самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках, ведь искать и познавать – это как раз и значит припоминать»²¹.

Семя Слова Божия, согласно святоотеческой традиции, заброшено во всякую человеческую мудрость и всякую жизнь. После Христа мы вправе сказать: ребенок в период *тайного созидания* (Пс. 138: 15) в утробе «изучает» Божие Слово. А взрослый познает Его, припоминая. Но что плод во чреве может «изучать»? Душой-плотью он наполняется *ведением* Христовым (Пс. 138: 6), вбирает его в себя, дышит им, сохраняет его в растущем своем естестве. *Зародыши мои видели очи Твои...* (Пс. 138: 16). *Дивно для меня ведение Твое* (Пс. 138: 6). Бог устами Псалмопевца открывает нам секрет Своей работы. Он извещает нас о том, как замысел Его осуществляется в *глубине утробы* (Пс. 138: 15), о том, как *ведение* Его облекается костями, Промысл наполняется днями жизни. В этом замысле свернуто будущее самого зародыша, его взросление, его обращение, затем будущее его потомков.

Ведение Бога не оставляет его ни на миг. И если некогда оно физически, плотью, костями, жилами вошло в нас, неужели оно бесследно исчезнет, когда не будет ни плоти, ни костей, ни жил?

«А это есть припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопровождала Богу, свысока глядела на то, что мы теперь называем бытием, и поднималась до подлинного бытия»²².

Как написано у пророков: *Вложу закон мой во внутренность их, и на сердцах их напишу его...* (Иер. 31: 33). Мы словно договорились забыть, что здесь кроме смысла переносного и высокого есть еще и буквальный, телесный. «Внутренность» в контексте библейского реализма – не «чистая» душа, но и плоть, состав человека, который держит и осуществляет в себе «закон», волю, мысль, любовь Господа. Они раскрываются в нем. Закон входит в нас как зерно будущей Вести. Она «заброшена» в человека и хочет взойти. В этом, кстати, и цель воспитания – узнавание и принятие закона Божия, вложенного в наши кости и жилы, в живое «я». Ибо, возрастая, это «я» отделяется от вошедшего в него закона как зерна Слова и противопоставляет себя ему.

«Согласно Православному богословию, в тварной природе присутствует Благодать от самого Ее источника, так как эта Благодать подразумевается в самом акте творения...»²³

«Степень их выше и прекраснее, нежели у девственников и святых, – говорит преподобный Ефрем Сирин о детях, умерших во младенчестве, – они – чада Божии, питомцы Духа Святаго»²⁴.

²¹ Платон. Менон /Платон. Сочинения: В 4 т. Т. 1. – СПб.: Издательство СПбГУ; Издательство Олега Абышко, 2006. С. 393.

²² Платон. Федр /Платон. Сочинения: В 4 т. Т. 2. – СПб.: Издательство СПбГУ; Издательство Олега Абышко, 2007. С. 190.

²³ Евдокимов П. Женщина и спасение мира. О благодатных дарах мужчины и женщины. – Минск: Лучи Софии, 2009.

²⁴ Ефрем Сирин. Надгробные песнопения / Ефрем Сирин. Творения: В 8 т. Т. 4. – М.: Отчий дом, 1995. С. 460–461.

Христос открывает нам Отца и через божественное материнство. «Рахамим – означает божественное милосердие и является более выразительным²⁵ множественным числом от рехем (матка); живой Бог „чувствует“ свои творения, как женщина „чувствует“ своего ребенка, всей плотской полнотой своего существа»²⁶.

Небеса проповедуют славу Божию... (Пс. 18: 2). И проповедь их как *откровение слов Твоих просвещает, вразумляет простых* (Пс. 118: 130).

По-славянски же: *Явление словес Твоих просвещает и вразумляет младенцы*.

Младенец таит и несет в себе язык, на котором Бог являет невидимую славу Свою и говорит с нами. Можно выразиться и смелее: ребенок и есть «явление словес» Его, обращенный к человеку язык Его славы и Его любви, сквозящей сквозь лица и вещи. Однако азбукой такого языка нам еще предстоит овладеть. Если ты не можешь верить текстам, обрядам, догмам, встречам, посылаемым тебе знакам, попробуй довериться *явлению словес* или *делам рук Его* (Пс. 8: 7) – в тебе самом, в твоей сотворенности. Пребывая во младенчестве, мы не можем осознать свое устройство Его руками. Оно хранится в нас и вдруг озаряет память.

Да и сама «вечная память», которой мы напутствуем усопшего, не означает ли возвращения в то *дивное ведение* (Пс. 138: 6), которое сотворило нас, вошло в жизнь и где-то еще живет поблизости, не до конца покинуло нас? Разве не со встречи (случившейся однажды, оставшейся в нас навсегда) с тем «дивным ведением» из Псалма зарождается вера? Раннее детство напоминает нам об этой не до конца проясненной связи между «до» и «после» человеческой жизни. *Из уст младенцев... Ты устроил хвалу* (Пс. 8: 3), и хвалу можно услышать в самом первичном, до-истолковательном смысле: «уста младенцев» еще до того, как научились говорить, и есть уста, коими Творец рассказывает о Себе.

Не случайно ведь из трех воскрешений из мертвых, которые совершил Иисус, два было даром родителям (дочь начальника синагоги, сын вдовы Наинской), которым Он возвращал детей, третье – Лазаря – было пророческим знамением Воскресения и дарованием брата сестрам.

Всякий человек входит в жизнь из уст Божиих, из *дивного устройства* (Пс. 138: 14), которое совершается в «до» человеческой жизни. И это устройство не есть ли личный завет, который Бог заключает с тем существом, которое вызывает к жизни? Мы не участвуем в нашем творении, но много позднее можем осознать свою причастность к ведению, которое заложено в нас. Мы можем откликнуться ему, выявить его в нашей жизни, встретить его в людях и вещах, нас окружающих. Войти в таинство детства – значит прежде всего познать Бога в собственном творении, Слово – в повседневном существовании, Любовь – в дыхании, дающем жизнь.

«Такими, какими они [дети] являются даром их естества, мы должны стать из страха Божьего... Пока мы не станем чужды ко всякому греху, словно малые дети, мы не сможем прийти к Спасителю»²⁷.

²⁵ То есть более выразительным, экспрессивным.

²⁶ Клеман О. Отблески света. Православное богословие красоты. – М.: Библийско-богословский институт святого апостола Андрея, 2004.

²⁷ Епифаний Латинский. Толкование на Евангелия. Цит. по: Библийские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Новый Завет. Том 16: Евангелие от Матфея 14–28. – Тверь: Герменевтика, 2007. С. 119.

Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам; ей, Отче, ибо таково было Твое благоволение (Мф. 11: 25–26; Лк. 10: 21). Стоит лишь вслушаться в эту молитвенную хвалу Иисуса, и мы найдем, что в ней плотно сложено целое богословие детства, которое еще предстоит раскрыть. В сущности, оно умещается в три заповеди: «принять дитя», «умалиться до него», «обратиться в него». Порядок слов в данном случае не имеет никакой обязательности. Иисус призывает дитя, которое остается невидимой мерой и точкой отсчета нашего взрослого существования. И даже евангельским и церковным таинством его. При этом Он не говорит – ведь не по забывчивости, конечно, – о первородном грехе Адама. Он провозглашает, – скорее, даже делом являет – святость детства.

Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пусть дети и не препятствуют им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное. И, возложив на них руки, пошел оттуда (Мф. 19: 13–14).

«Бог хочет, чтобы всем, чем мы обладаем по природе, мы обладали по произволению... [Отец] приложил руки к детям, поскольку приложение рук научает оружию силы Божией»²⁸.

И все же почему именно «дети»? Чем человек-кокон столь явно отличается от человека сложившегося, отвердевшего, выстроившего себя? Владимир Соловьев в «Оправдании добра» «оправдывает» и деторождение, то дивное исполнение замысла Божия о человеке, который вкладывается в него при творении. «Все согласны, – говорит Соловьев, – что особая прелесть детей – в их невинности, но эта фактическая невинность не могла бы приводить нас в радость и восхищение, если бы мы были уверены, что она непременно будет потеряна. Мысль, что их ангелы прямо видят лицо Отца Небесного, не имела бы в себе ничего утешительного и назидательного, если бы соединялась с убеждением, что эти ангелы неизбежно сейчас ослепнут»²⁹

²⁸ Аполлинарий Лаодикийский. Фрагменты. Там же.

²⁹ Соловьев В. Оправдание добра. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С. 257.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.